

Принимая сегодня какие-то важные решения, ища ответа на вопросы непростого нашего бытия, мысленно я всегда обращаюсь к истокам — к основам, которые определили мое отношение к жизни. Детство моих сверстников пришлось на войну и первые послевоенные годы, когда взрослые рано. Шестилетнему пацану надо было с ночи, каким-нибудь 1188-м номером отстоять очередь за подсолнечным маслом, раздобыть уголь или своровать полешек, чтобы протопить барачное жилище. Но помимо трудного быта — школы, библиотека, без которой не мыслил я своей жизни. Каждая принесенная домой книжка воспринималась как родное существо. Любуясь ею, рассматриваешь, радость чтения предвкушая. И конечно, одним из главных воспитателей был кинематограф. И свои, советские, фильмы, и хлынувшие после войны трофейные, западные. Ничего общего тот, романтический, Голливуд не имел с нынешним потоком продукции на порно-криминальные темы. Прошло несколько лет, и мы узнали шедевры итальянского неореализма, увидели потрясающих Лоуренса Оливье, Жана Габена, Жерара Филипа, Иву Монтана. Я уж не говорю о женщинах-актрисах: Вивьен Ли, Лилиан Гиш, чудесной Симоне Синьоре, молодой Джинне Лолбриджиде, о нашей соотечественнице Милице Корьюс из "Большого вальса" или потрясающей актрисе Софи Лорен. Эстеты говорили, что "Мост Ватерлоо" чересчур сентиментален. Но, видно, нужна была нам такая сенти-

ментальность, ибо она заменяла и сахарин, и другие сладости!

Да, в жизни нашего поколения кино сыграло колоссальную роль. Большевики храмы позакрывали, Церковь для большинства населения была недоступна, и какие-то очень важные духовные основы в нас закладывали сценаристы, режиссеры, актеры. Никогда не забуду, как в 57-м, будучи студентами второго курса МГУ, мы с другом сбежали с лекции в "Ударник" на "Летят журавли". В фильме не было того, что сейчас называют "сексом", героиня носила длинную юбку. Но мы видели, что это любовь. Та любовь, из-за которой совершаются и героические поступки, и страшные ошибки.

Я благодарен нашему кинематографу за то, что он вырастил таких замечательных мастеров, как Татьяна Самойлова, Алексей Баталов, Олег Стриженов, Николай Афанасьевич Крючков, Борис Андреевич Бабочкин, Василий Васильевич Меркурьев. Один из любимых фильмов моей молодости — "Слепой музыкант", где Борис Николаевич Ливанов играет в дуэте со своим сыном Василием. Это был настоящий идеал мужской красоты, мужского благородства.

Любовь к кинематографу помогла впоследствии, когда стал я работать консультантом у Тарковского на "Рублеве". Может быть, потому, что я реставратор, в мире кино меня больше тянуло к людям "ручной" профессии — операторам. Мои ближайшие друзья это и Вадим Иванович

Юсов, и только что ушедший Сергей Аркадьевич Вронский. Очень я дружил с Сашей Княжиком, с Гошей Рербергом. С режиссерами и актерами приятельствовал меньше, но с двумя актерами жизнь свела близко. Это Иван Герасимович Лапиков, с которым мы сошлись на "Андрея Рублева" и дружили до его героической, я подчеркиваю — героической гибели, когда он больной все-таки поехал на встречу с ветеранами Великой Отечественной, да там на площадке и умер. Второй дорогой мне человек — Василий Ливанов. Я считаю его не только блистательным актером. Он хороший писатель и замечательный режиссер.

Актера Георгия Жженова я давно знал по фильмам, и всегда воспринимал его как блистательного актера, прекрасно физически сложного человека. Мне нравились и большие и эпизодические роли Жженова. Подобно большинству кинозрителей, я предполагал, что у исполнителя роли режидента в популярнейшем советском сериале вполне благополучная жизненная и творческая биография со своими коллизиями, романами, триумфами. И вот узнаю, что у этого человека за плечами гулаговская Голгофа...

Так сложилось, что все мои университетские преподаватели пришли в аудиторию после тюрьмы и лагерей. Однако ни Лев Николаевич Гумилев, ни Николай Петрович Сычев, ни Леонид Алексеевич Творогов, отсидевшие по "двадцатке", никогда, даже в самой

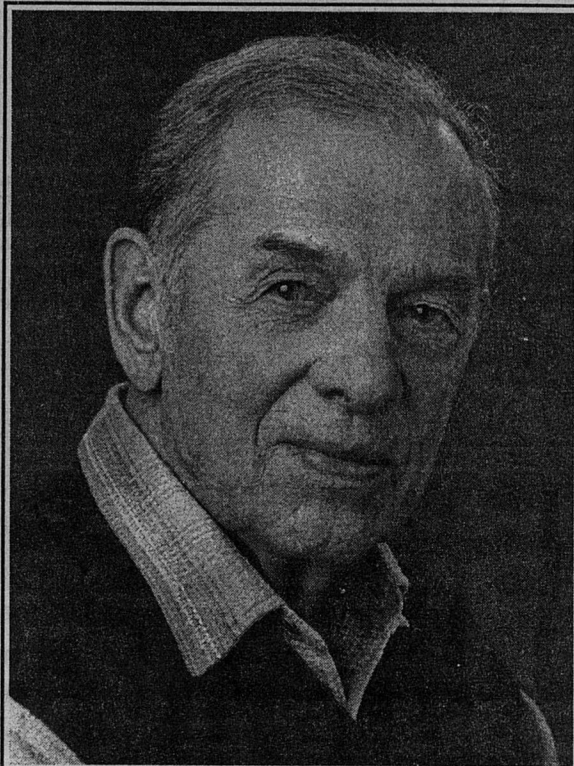
Савва ЯМЩИКОВ

Созигающие

неформальной обстановке, не рассказывали нам о лагерных ужасах. Гумилева я как-то спросил: "Лев Николаевич, вы так блистательно пишете, почему не написали книгу о лагерной жизни?" Он тогда сказал: "Савва, мне надо успеть завершить научные труды. Если же я стану писать про лагерь, придется все заново пережить. Мне это уже не под силу".

Какой же должен быть в человеке стержень, чтобы, пройдя через лагерь, не озлобиться, не уйти в конформацию с миром, а сохранить в себе способность любить, жалеть, желать? Способность творить, созидать...

Очень было радостно, когда жизнь в конце концов свела меня поближе с Георгием Степановичем Жженовым, этим сильным, и, не смотря на свой почтенный возраст, очень активно впитывающим в себя жизнь, человеком.

Георгий ЖЖЕНОВ:

«УВИДЕТЬ В ЛЮДЯХ ЛУЧШЕЕ»

Завтра. 2004. — № 8 (февр.). — с. 8

Савва ЯМЩИКОВ. Георгий Степанович, хочу задать вам традиционный вопрос: что считаете для себя главным в жизни? Что вас больше всего волнует и греет?

Георгий ЖЖЕНОВ. Что главное и что не главное? Чего я придерживаюсь в жизни, что ишу? Сложно ответить так сразу. Ценю хорошее в людях. Благородное, чистое. Это и есть то, что мне всегда хотелось выразить — в кино ли, в театре или в писательской деятельности. Потому что если присмотреться, хорошее найдешь и в самых страшных и самых опустившихся личностях. Казалось бы, что хорошего можно было найти в оперуполномоченном, который у меня на глазах угонял моего друга на смерть? Однако и в этом человеке жило что-то доброе. Вспомните, мой рассказ "Саночки"...

Конечно, есть в нас во всех и благородное, и непотребное. И в зависимости от внешних обстоятельств мы проявляем себя с той или с другой стороны. Но все же, если мой герой — отрицательная, но яркая, незаурядная личность, мне интересно найти в нем черты благородства, нечто хорошее. Странное дело: какую бы мне роль ни давали, какого бы "врага" играть ни приходилось, в итоге он выходил у меня сложным или даже положительным персонажем. Конкретный пример: фильм "Возвращение "Святого Луки" с Владиславом Дворжецким в главной роли. Я пробовался на роль разбойника, но Николай Трофимович Сизов, директор "Мосфильма", меня на эту роль не утвердил.

— Жженов потянет на себя симпатии зрителей. Вы, что хотите пустить под откос идею фильма? Сделать из этого бандита героя? Не позволю!

Еще пример. В театре имени Ленсовета Игорь Владимиров ставил пьесу Лазаря Карелина "Микрорайон". Я — вор, а в роли комсомольского вожака актер, известный по кино как стопроцентно положительный персонаж. И получилось, что отрицательную личность, вора, встречают аплодисментами, а того, положительного — молчанием. Моя правда победила придуманную, надуманную большевистскую правду. Или взять тот же сериал о резиденте. Какое может быть отношение к белогвардейскому выкорымышу, профессиональному шпиону с той стороны? А у меня за ту роль вся грудь в наградах от правоохранительных органов. Они его приняли как самого настоящего героя. А почему? Да потому, что просто-напросто я не уходил от себя и по-своему осмысливал ситуацию. Сын эмигранта, иностранный разведчик впервые попадает в Россию, и сразу же оказывается в среде людей, близких ему по крови, по духу — по всему. Происходит преображение, и нигде от этого не денешься.

А как получилось с фильмом "Журавушка"? Положительного героя-коммуниста играет молодой Джигарханян, а его антагониста, священника отца Леонида, я. Что же в результате? Правда моей роли была настолько убедительна, что чиновники запретили в таком виде показывать фильм. В результате была проведена вивисекция...

Так что в процессе работы главным для меня было желание, где бы и кого бы я ни играл, положительно влиять на зрителя...

Но в плане профессиональной судьбы главное место принадлежит театру. Понюхав кинематографа, я понял: хочется познать психологию человека, хочешь быть подлинным артистом — иди в театр. Это место, где ты каждый день находишься в работе, в поиске. Репетиции, спектакли, ежедневная работа с текстами — все это держит тебя в творческой форме. В кино такого нет. Не случайно, "чистые киноактеры" начала тридцатых годов и разговаривать толком не умели. Магарилл, Жеймо, Жаков, Соболевский, Костричкин — прекрасные мастера своего дела, но актерской речью они не владели. Еще в юности я понял, что без театра актер состояться не может. Тогда я по-

шел к режиссеру Брянцеву в Театр юного зрителя. В каникулярное время держал экзамен, был принят и осенью должен был приступить к работе в ТЮЗе. Но в 1938 году меня посадили, как говорится, всерьез и надолго. Первая возможность уцепиться за любимую профессию появилась не скоро, уже на Колыме. Тогда я ухитрился, ценой Бог знает каких усилий, все-таки попасть сначала в концертную бригаду, а потом в театр в Магадане. Первый в моей жизни театр — это театр магаданский, где я встретился с Шухаевым и Варпаховским. Очень славные театральные личности, и такие же, как и я, заключенные. Мы были в одной труппе, и я у них учился. С тех пор уже ни дня без театра я не мыслил! Что касается кинематографа, то он никогда не был для меня каким-то праздничным занятием, или, как говорят, "счастливым лотерейным билетом".

С.Я. Георгий Степанович, скажите, пожалуйста, кто в большой вашей творческой и человеческой жизни не просто подставил вам плечо, а помог стать личностью?

Г.Ж. Знаете, я, наверное, банально отвечу. Мать. Когда-то я не понимал этого, не мог сформулировать эту простую истину. А сейчас без всяких сомнений говорю: мать. Моя мать, почти безграмотный человек с двумя классами сельской школы. Но утверждаю, что она могла бы с успехом быть на месте министра культуры.

С.Я. Да, мама самый главный человек в жизни и для меня. И я тоже очень долго шел к осознанию этого факта. Теперь, когда ее не стало, еще яснее понимаю, что, как ни хороши были мои учителя, она была всем...

Георгий Степанович, но все же: кого из людей, с которыми работали, выделяете особо? Кто из актеров особенно восхищал вас?

Г.Ж. МХАТ — вот мой собор, мой храм театральный. Восхищались стариками мхатовскими. Станицын, Грибов... Безусловно, Борис Николаевич Ливанов. Я обожаю его. Мы с ним, что говорили, нашли друг друга.

С.Я. Недаром американцы, все их самые крупные звезды и знаменитые театральные педагоги, боготворят Станиславского. Хотя, казалось бы, зачем Станиславский нужен Шарон Стоун или Роберту де Ниро? Мерил Стрип, так та просто говорит, что ничего бы и не получилось без занятий по системе Станиславского.

Г.Ж. Нам бы такое отношение к своему богатству. Знаете, я ненавижу то, что происходит у нас сейчас с искусством. Смотрите, как власть наша приютила и прикормила все то, что раньше законно презирали: эстраду, развлекательку. Эстрада всегда была на втором, на третьем плане. Ценились балет, опера, театр драматический. Не случайно эстрадные шутилы нам не завидуют, мы большие деньги при жизни получаем, зато вы постычи огромные имеете посмертно. А теперь и большие деньги, и почести у шоуменов.

С.Я. Читаешь воспоминания о тех временах, и узнаешь, что участвовал в кремлевских концертах, где сидело все Политбюро. Такие люди, как Козловский, Уланова, Ливанов... А теперь что? Президент учредил свою, президентскую, премию в области литературы и искусства, и первым ее получил Жванецкий. Не Распутин, не Астафьев, а Жванецкий. Георгий Степанович, мы как-то забыли о ваших партнерах по сцене и кинематографу. Кто из них был особенно притягателен?

Г.Ж. Ну это давным-давно умершие актрисы. Вот Антонина Павлычева. Ее мало кто знает, хотя она работала с Тарковским. Очень хорошие отношения сложились у нас с Тамарой Семиной на съемках фильма "Человек, которого я люблю". Она живая, открытая, словом истинно русская женщина.

С.Я. Георгий Степанович, осенью прошлого года я ходил к вам в театр на спектакль "У озера". Меня поразило,

что вы, в вашем возрасте играете как молодой и планку держите. Хочу спросить: что вам больше всего хотелось бы сейчас сделать? О чем жалеете и чего желаете?

Г.Ж. Применительно к своей кинематографической судьбе жалею о том, что на известных и маститых режиссеров мне не везло. Эльдар Рязанов, которого я очень ценю — исключение. Жалею, что не снялся в фильмах "Последний дюйм", "Родная кровь", "Три тополя на Плющихе", где я должен был играть главную роль... Мне ведь всегда хотелось сыграть Льва Николаевича Толстого, из-за этого я, ленинградец, стал москвичом. Меня Завадский, Царство ему Небесное, пригласил на роль Льва Николаевича Толстого. Маречка должна была Софью Андреевну играть, и это меня очень устраивало. Но Фурцева пьесу запретила.

С.Я. Почему вас так тянет сыграть Льва Николаевича? Показать, что в человеке "есть всё", а в этом великом особенно? Или поняли, что спокойно войдете в образ Толстого? Кстати, у вас и глаза сияют по-толстовски, я сейчас это заметил.

Г.Ж. Толстой — это такая личность, такая грандиозная индивидуальность... Когда я узнал, что Герасимов, учитель мой, будет ставить фильм про Толстого, я воспылал, как и все знаменательным днем в жизни Тамары Макаровой, написал ей письмо, в котором прошу: Тамарушка, если по каким-либо причинам Сергей Аполлиналиевич сочтет, что ему не следует играть графа Льва Николаевича Толстого, скажите ему, что это является единственным моим в жизни актерским желанием. Герасимов тогда даже обиделся на меня...

Видимо, не случайно в наши дни я не могу найти для себя роли. Я еще в состоянии не одну пьесу срепетировать и сыграть, но не могу найти подходящей пьесы.

С.Я. Георгий Степанович, прекрасно, что у вас такое желание. Я это очень хорошо понимаю, потому что сегодня и в литературе, и в театре так не хватает подлинного искусства. Нет хотя бы приближающегося к толстовскому, стремящемуся к правде и глубине. Столько развелось сверчков, стрекачей, а достойного материала нет. Но уж если появится что-то... Знаете, как всколыхнула женщин-актрис новую повесть Распутина "Дочь Ивана, мать Ивана". Она напечатана в "Нашем современнике", а сейчас выходит отдельной книгой. Сюжет переключается с "Ворошиловским стрелком", только там дед мстит за внучку, а тут мать убивает изнасиловавшего шестнадцатилетнюю дочку торговца с рынка. Люся Мальцева, жена Юрия Назарова, тут же меня попросила: "Скажи Валентину Григорьевичу. Такая роль! Как он написал этот образ!" Я тут же при ней звоню Распутину: "Валентин Григорьевич, вот Люся Мальцева, про повесть говорим". Распутин сказал: "Я ее очень люблю, но мне только что звонила Людмила Зайцева, она тоже хочет эту женщину сыграть". Что и говорить, изголодались актеры по настоящему. И я понимаю, как вам хочется сыграть Льва Николаевича. Хотел и заявляет шоу-министр культуры с телеэкрана, что "Пушкин устарел", а все равно обращаться приходится к Пушкину, Толстому, Достоевскому. Смотрите, дают премию фильму "Идиот". Хорошие актеры, не спорю. Но ведь на чем выехали? На том, что очень многие молодые люди не читали Достоевского, даже не знали, чем закончится фильм. Вот в чем ужас.

Г.Ж. Потому что чернуха у нас процветает. Расторопные недоучки, спекулянты в одночасье из ничего сделали себе деньги, стали законодателями общества. Возьмите телевизионные передачи — кого они обслуживают? Чьи умы? Именно этих людей. Удивительно, как государство использует такое могучее орудие как телевидение. Раньше интеллигенция играла большую роль в жизни телевидения. А теперь творится то, с чем я не согласен и готов до ярости спорить.

С.Я. И мы помним, каким было старое телевидение. Включаясь, и смотришь "Мертвые души", мхатовский спектакль! Оторваться невозможно. Вот они перед тобой: Станицын, Ливанов, Грибов, Топорков, Тарханов. А сейчас какую-то времянку гонят. Кровь, мордобой и порнуха.

Г.Ж. Раньше Америка заимствовала у нас драматический жанр и ссылалась на Станиславского, мхатовских актеров. А теперь мы пользуемся макулатурой, которой Америка снабжает весь мир. И сами подстраиваемся под эту моду.

С.Я. Причем Европа активно борется с американским влиянием. Они всячески, в том числе законодательно, отстаивают свою национальную культуру. Потому что увидели, к чему приводит ее утрата. Росселлини, Антониони, Феллини, Де Сика, Де Сантис потрясающие фильмы делали, а потом американцы все это потеснили. И опять-таки эти классики во многом учились у нас. И сам Висконти всегда говорил, что значит для него русская школа. А сколько дали мировой культуре "Дягилевские сезоны" — балет, выставки. Но сейчас какой московский журнал ни откroетшь — вернисаж американского новатора. Художник, как правило, третьеразрядный, но с рекламой все в порядке. При этом свое искусство не замечает или оплевывается. Был юбилей замечательнейшего художника Аркадия Пластова, открыли выставку. По телевизору ни слова. А в газетах ругательно: он-де по блату писал. Договорились до того, что знаменитая картина, где мать с ребенком и снег падает, создана Пластовым, так как ЦК разрешил обнаженную натуру писать. Можете себе представить! Или выставка к юбилею покойного моего друга прекрасного скульптора Олега Комова. Опять ни слова ни по одной телепрограмме. Чтобы в Академии художеств открывалась выставка и ни слова? Зато сколько шума вокруг какого-то скандального левака. И так же в театре, в кино.

Г.Ж. Да, и поэтому быть оптимистом становится все труднее, что-то в душе копится такое. Верю только в народ наш, талантливый и добрый.